

Максим Горький

Дело Николая Шмита

Максим Горький

Дело Николая Шмита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2150005

Аннотация

«В Москве начались слушанием „дела“ о вооружённом восстании в декабре 1905 года, – мне хочется показать публике, как создавались эти „дела“ полицией и судебною властью. Для примера возьму „дело“ Николая Шмита, о котором имею точные, строго проверенные мною сведения...»

Максим Горький

Дело Николая Шмита

В Москве начались слушанием «дела» о вооружённом восстании в декабре 1905 года, – мне хочется показать публике, как создавались эти «дела» полицией и судебною властью. Для примера возьму «дело» Николая Шмита, о котором имею точные, строго проверенные мною сведения.

Николай Шмит – студент университета, очень богатый человек, он владел лучшею в Москве фабрикой стильной мебели, предприятие его было поставлено во всех отношениях прекрасно, славилось изяществом своих работ, давало большие доходы.

Человек молодой, по природе своей мягкий, влюблённый в художественную сторону своего дела, Шмит нашёл справедливым улучшить положение рабочих своей фабрики, что, вероятно, было небезвыгодно ему как хозяину предприятия.

Его приличные отношения к рабочим и – обратно – добрые отношения рабочих к нему создали Шмиту в глазах московской полиции репутацию либерального фабриканта, политически неблагонадёжного человека.

Порядочность, как бы она ни проявлялась, считается преступлением в стране, которой, как это известно, управляют министры, ворующие овёс и хлеб у крестьян, где царь любит делать убийц генералами и поощряет генералов к убий-

ствам классически циничной фразой, которую он бросил генерал-лейтенанту Казбеку, после его доклада о мирном конце восстания солдат владивостокского гарнизона:

«В народ всегда надо стрелять, генерал!»

17 декабря, в 4 часа ночи, отряд полиции и казаков ворвался в квартиру Н. Шмита.

На требование Шмита – объяснить, в чём дело, ему показали бумагу, в которой говорилось, что он, Шмит, должен быть арестован и отвезён в Таганскую тюрьму. Обыск не дал никаких результатов. Шмита арестовали, но отвезли не в Таганскую тюрьму, а в Пресненский полицейский дом.

Там полицейский чиновник объявил ему новость: «Нам известно, что вы один из руководителей революционного движения, что у вас на фабрике хранятся пушки, пулемёты и прочее, а поэтому немедленно выдайте всё это, или мы вас расстреляем!»

Арестованный отрицал свою причастность к революции, но, принуждённый угрозами и криками, согласился написать рабочим своей фабрики записку такого содержания: «Говорят, что у вас имеется оружие, если это правда, выдайте его, в противном случае грозят уничтожить фабрику». Эта записка, очевидно, не была доставлена по назначению, так как уже через пять минут после её написания началась страшная канонада всей Пресни – местности, где находилась фабрика Шмита.

Его посадили, вместе с одним студентом, в камеру, из которой было видно всю Пресню и фабрику. Пресненский полицейский дом, как и все другие помещения полиции в городе, представлял собой вооружённый лагерь, полный казаков, артиллерии, пехоты и городских. Все они были страшно пьяны. Когда Шмита привели в полицию, городские набросились на него с криками: «Ах ты, собака, ты захотел царём быть?.. Вот мы тебе покажем!» И угрожали избить, но кто-то толкнул его в камеру и запер. Из окна её Шмит видел, как горела его, разрушенная снарядами и разграбляемая солдатами, фабрика. Рядом с домом полиции находился вдовый дом, – это здание, наполненное искалеченными старухами, было расстреляно храбрым воинством, несмотря на мольбы старух. Шмит видел истребление старух, и, разумеется, такая картина не могла укрепить его нервы.

Пресненская часть подверглась нападению дружинников-революционеров, и так как окна камеры Шмита выходили на улицу, а дверь её, конечно, была заперта, то ему и его товарищу по камере пришлось спасаться от залетавших пуль, прижимаясь к наружной стене.

На третий день Шмиту было приказано одеться и идти. Во дворе его бросили в больничную военную телегу, посадили с ним несколько солдат Семёновского полка, окружили конвоем и повезли... По дороге семёновцы, щёлкая затворами винтовок и подталкивая его пинками, говорили:

– Вот сейчас мы тебя расстреляем!.. И чего с тобой во-

зиться?.. Убить бы сейчас, как собаку!..

Через час Шмит был привезён за город, в местность около кладбища, и высажен из телеги. Здесь уже находилась пехота, казаки, пленные рабочие с его фабрики и других, обыватели Пресни, оцепленные войсками. Полупьяные солдаты грубо издевались над людьми, били их. К Шмиту подошёл один из офицеров Семёновского полка, размахнулся и ударил в лицо, цинично ругаясь... А через несколько минут Шмит видел, как двое рабочих с его фабрики были отведены в сторону, раздался залп, другой... Солдаты побежали смотреть трупы.

Часа два Шмит наблюдал картины ужаса и жестокости, наконец, стал требовать к себе офицера, чтобы узнать, зачем его привезли сюда и нельзя ли ему сделать какие-нибудь распоряжения.

Явился полковник Мин и спокойно сказал:

– Теперь завещания делать не время, поздно, сейчас ты будешь расстрелян! Но, впрочем, если ты назовёшь своих сообщников, тогда мы посмотрим...

Потрясённый всем, что он видел, ужасом, который пережил, разбитый угрозой смерти, Шмит назвал несколько имён своих знакомых, первые имена, какие пришли ему в голову, вспомнились без отношения к событиям. После этого Мин уже сам отвёз его снова в Пресненскую часть, приказал дать отдельную комнату, бумаги, перо и дал час времени для того, чтобы Шмит написал показание. Через час Мин

явился и, прочитав показание, отвёз Шмита в здание тайной полиции, так называемое охранное отделение.

Здесь градоначальник Москвы, вместе с Мином и начальником охранного отделения, стали допрашивать запуганного, нервно разбитого юношу. При попытке отказаться от данных показаний, как вынужденных у него угрозами истязаний и смерти, ему заявляли:

– Помните, у нас есть много средств заставить вас говорить!..

И в то же время Шмит слышал, как со двора неслись стоны людей, которых мучили и убивали, вырывая у них нужные для создания «дел» показания. В окно можно было видеть, как человека подбрасывают в воздух, он падает на камни двора, его бьют ногами и снова бросают вверх. Неслись крики:

– Убьём! Говори!

Допрос этот длился почти непрерывно для Шмита, при постоянной смене чиновников, в течение 8 дней. Спать Шмиту не давали. Когда он начинал дремать, то караулившие его городовые кричали: «А, ты спать захотел?» И толкали его кулаками в бока, трясли за ворот.

За эти 8 дней «следствие» было закончено, и Шмит, наконец, отвезён в тюрьму... Конечно, он был в ненормальном состоянии после всех этих пыток, и показания его, вероятно, носили характер безумного бреда, и, отдохнув в тюрьме от пыток, он сам понял это. 14 или 15 января Шмита вызвали к

судебному следователю, где предъявили ему обвинение в организации и участии в вооруженном восстании против царя и предложили дать показания. Шмит заявил, что всё, ранее сказанное им, – ложь, вынужденная угрозами смерти и пытками, что он себя виновным не признаёт ни в чём и от всех показаний своих отказывается. Этот замученный, наивный человек думал, что он, наконец, видит представителя закона, а не насилия.

На другой же день его снова отвезли в охранное отделение, и здесь начальник тайной полиции встретил его такой фразой:

– Что вы, господин Шмит, со мною делаете? Вы отказались от показаний? Разве это можно?

И снова началась пытка. После двух суток пребывания в охранке Шмит, вновь запуганный, замученный, подтвердил все свои прежние показания.

И вот в тот момент, когда он подписал их, начальник шпионов вышел в следующую комнату и, пригласив представителей «истинного закона», судебного следователя и товарища прокурора Виссарионова, объявил им:

– Ну, теперь отдаю его в ваше распоряжение!..

После этого начался допрос «следственной власти», законной власти.

На другой же день Шмит снова отказался от всех своих показаний.

Теперь Николая Шмита судят.

Юноша был доведён пытками «предварительного следствия» до состояния невменяемости и в этом состоянии, может быть, дал суду мотивы для обвинения как себя самого, так и лиц, невольно оговорённых им. Суд, конечно, не признает того факта, что показания были вырваны у обвиняемого насильно, угрозами. Это насилие известно товарищу прокурора и судебному следователю, оба они стояли за дверью той комнаты, в которой начальник охранного отделения вынуждал признания у Шмита, и они не только не протестовали против беззакония, но, как видно, были заинтересованы в том, чтобы оно совершилось. В Москве было вооружённое восстание, оно кончилось победой «порядка и законной власти», но необходимо кого-нибудь судить и обязательно наказать за участие в восстании. Полиции было предписано доставить материал для русской Фемиды – существа чудовищного, ибо оно безвольно, глухо и слепо, а челюсти его приводятся в движение не живой силой справедливости, а механическими толчками из Петербурга. Полиция с удовольствием нахватала и представила в суд лиц, по разным причинам наиболее неприятных ей, что же касается до их участия в восстании – это для неё не вопрос, – она знает, что все приличные люди в России против самодержавия, значит – они преступны, значит – нужно их истреблять. Это очень поощряется петербургским правительством и помогает сделать карьеру. В России сначала человека сажают в тюрьму, а

потом уже ищут причин ареста...

Случай с Шмитом – не единичен, таких фактов – десятки в «деле о вооружённом восстании».

Правительство хочет погасить всё разгорающееся движение русского народа к свободе кровью, хочет подавить его ужасом. Собирая вокруг трона всё наиболее циничное, животное и наглое, русские министры, прикрываясь этой грязью, стоя в ней по уши, говорят тем людям Европы, у которых жаждут занять ещё денег:

– Видите, народ не хочет конституции, он хочет только самодержавия и порядка. Мы думаем, что и для вас тоже выгоднее «порядок», чем свобода. Давайте же нам ещё денег, а мы дадим вам хорошие проценты и такой порядок, при котором вам можно будет, вместе с нами, немножко пограбить русский народ. У него ещё кое-что есть! Давайте нам денег для окончательного подавления революции!

И, как видно, многие в Европе полагают, что правительство Романова, Столыпина и К° достигает своей благородной цели – в России «водворяется спокойствие», и господин Гурко спешит доказать миру, что благодатная возможность безнаказанно воровать снова вернулась.

Но революция не подавлена, она не будет подавлена.

Для пламени порою необходимо окутать себя дымом и скрыть в нём своё грозное лицо, но скрыть не для того, чтобы угаснуть в нём, а только для того, чтобы собрать все силы и снова вспыхнуть, обнять всё и сжечь.

Это – понятно?

Я обращаюсь к честным людям, которым противна жестокость, отвратительно насилие:

– Протестуйте против осуждения Николая Шмита! Если вы искренно любите дело свободы, если верите в грядущую победу разума и справедливости, – ваша вера и любовь даёт вам право всегда и всюду вмешиваться во всё, что встает на пути правды и разума. А ваше право – есть ваша обязанность!

9 декабря 1906 г.